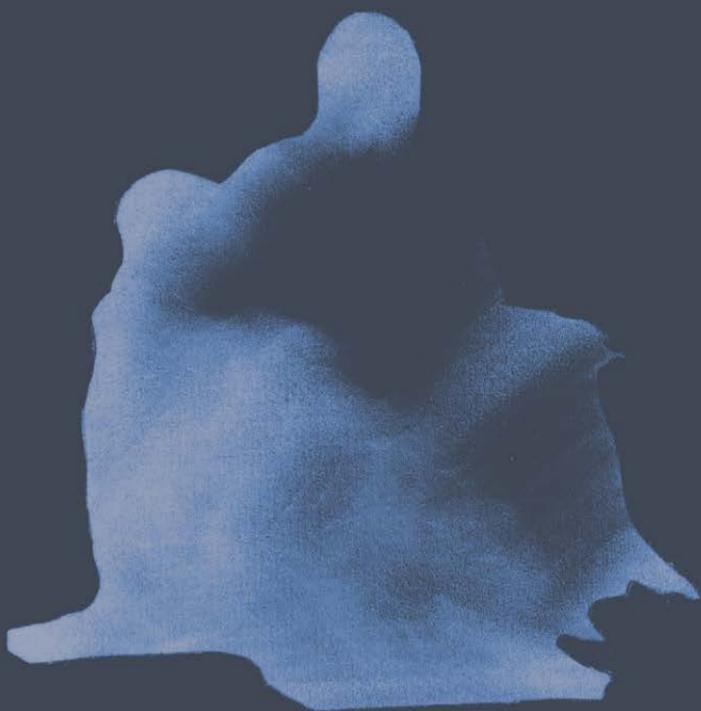

храни

жан-батист андреа

eë

храни

её

жан-батист андреа

храни её

NoAge
polyandria

2025

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фр)-44
А65

Veiller sur elle
Jean-Baptiste Andrea

Перевела с французского Алла Беляк

Дизайн обложки Юлии Бойцовой

Андреа, Жан-Батист.

А65 Храни её : [роман] / Жан-Батист Андреа ; [пер. с фр. Аллы Беляк]. — Санкт-Петербург : Polyandria NoAge, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-6052402-2-8

- © L'Iconoclaste, 2023
Published by arrangement with Lester
Literary Agency & Associates and BAM
Literary Agency in Paris
- © Беляк А. Ю., перевод на русский язык, 2025
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2025

Посвящается Беренис

Их тридцать два. Тридцать два человека еще живут в этот осенний день 1986 года в аббатстве, в конце пути, способного утратить любого пешехода. За тысячу лет ничто не изменилось. Ни крутизна откоса, ни головокружительная высота. Тридцать два твердых сердца — надо иметь твердость, чтобы жить на краю бездны, и так же тверды были их тела в пору молодости. Через несколько часов их станет одним меньше.

Братья встали в круг у постели умирающего. Много было таких кругов, много прощаний с тех пор, как Сакра приняла их в свои стены. Много было мгновений благодати, сомнений — и тел, вздыбленных в борьбе с грядущим мраком. Были и будут другие прощания, и потому они терпеливо ждут.

Этот умирающий не похож на других. Он единственный в этих стенах, не давший обета. И все же ему разрешили прожить здесь сорок лет. Каждый раз, когда возникал спор, вопрос, прибывал человек в пурпурной мантии, всегда новый, и принимал

решение. *Он останется.* Он — часть этого места, такая же неотъемлемая, как монастырь, его колонны и романские капители, чья сохранность многим обязана его таланту. Так что не будем сетовать: он платит за постой натурой.

Одни кулаки видны из-под бурого одеяла справа и слева от головы — восьмидесятидвухлетнему младенцу снится страшное. Лицо желтое, кожа как пергамент, натянутый на острые углы. Лоб блестит, вощитя от жирной лихорадки. Рано или поздно силы должны были ему изменить. Жаль, что он не ответил на их вопросы. Человек имеет право на свои тайны.

Впрочем, им кажется, что они знают. Не всё, но главное. Иногда мнения расходятся. В борьбе со скукой люди с пылом начинают судачить. Он преступник, расстрига, враг режима. Кто говорит, что его здесь удерживают силой — теория несостоятельная, ибо он уезжал и возвращался, — другие утверждают, что он скрывается здесь для собственной безопасности. А есть и самая популярная версия, и самая тайная, потому что романтика проникает сюда только из-под полы: он здесь, чтобы хранить *ее*. *Ее*, застывшую в мраморной ночи в нескольких сотнях метров от маленькой кельи. Она терпеливо ждет уже сорок лет. Все монахи Сакры видели *ее* хоть раз. Всем хотелось бы снова *ее* увидеть. Нужно только спросить разрешения у падре Винченцо, настоятеля, но мало кто отваживается. Возможно, страшась нечестивых мыслей, — по слухам, они возникают у тех, кто подходит к ней слишком близко. А нечестивых мыслей у монахов и так

хватает, когда им являются в сердце тьмы ангело-
ликие грезы.

Умирающий дергается, открывает глаза, закрывает их снова. Один из братьев уверен, что видел в них радость, — он ошибается. Пациенту осторожно промокают свежей тряпицей лоб, губы.

Он снова мечется, на этот раз все сходятся во мнении.

Он хочет что-то сказать.

Конечно, я хочу сказать. Я видел, как человек летает, все быстрее и быстрее, все дальше и дальше. Я видел две войны, крушение империй, я срывал апельсины на бульваре Сансет, неужели мне нечего рассказать? Простите, я свинья. Вы меня одевали, кормили, хотя сами были почти нищими, когда я попросил у вас убежища.

Но я слишком долго молчал. Закройте ставни, мне больно от света.

Он мечется. Брат мой, закройте ставни, ему как будто мешает свет.

Тени бдят надо мной, заслоня сияние пьемонтского солнца, голоса приглушены подступающим сном. Все случилось так быстро. Всего неделю назад меня видели то в огороде, то на стремянке — вечно находился какой-то ремонт или работа. Возраст притормозил движения, но и оставшееся восхищало — при рождении никто не дал бы за меня ломаного гроша. А потом однажды утром я не смог встать с кровати. В их глазах я прочел, что настал мой черед, что скоро зазвонят в колокол и отнесут

меня в садик, выходящий на гору, где зарастают
маками несколько столетий аббатов, переписчиков
и миниатюристов, певчих и ризничих.

Он совсем плох.

Скрипят ставни.

Все сорок лет, что я здесь живу, они скрипели.
Наконец-то темно. Черная тьма, как в кино — я ви-
дел его рождение. Пустой горизонт, поначалу ни-
чего видно. Слепящая равнина, но если смотреть
не отрываясь, память наполняет ее тенями, силуэ-
тами, которые становятся городами, лесами, людь-
ми и животными. Они выходят, встают на авансце-
не — мои действующие лица. Кого-то я узнаю, они
не изменились. Изумительные и нелепые, выплав-
ленные в одной реторте, неотделимые друг от дру-
га. Монета трагедии — редкий сплав золота и ми-
шуры.

Теперь счет идет на часы.

Счет на часы? Не смешите меня. Я давно уже
мертв.

Свежий компресс. Ему как будто легче.

С каких это пор мертвецы не могут рассказать
свою жизнь?

Французик — il Francese. Я всегда ненавидел это прозвище, хотя меня называли и похуже. Все мои радости и беды шли от Италии. Я рожден землей, где красота всегда в загоне. Стоит ей уснуть на пять минут, и уродство безжалостно перережет ей глотку. Гении растут здесь как сорная трава. Людям все равно — петь или убивать, рисовать или обманывать, и все церковные стены описаны собаками. Не зря же именно итальянец Меркалли дал свое имя шкале разрушений, шкале силы землетрясений. Одна рука считает то, что построила другая, а чувства одинаково сильны.

Италия, царство мрамора и отбросов. Моя страна.

Но ничего не попишешь, родился я во Франции в 1904 году. Пятнадцатью годами раньше, только поженившись, мои родители покинули Лигурию и отправились искать счастья за границей. Им выпала удача называться макаронниками, получать плевки и издевки за то, как раскатисто, с руладой произносили «р», хотя ведь и слово «рулада», насколько я знаю, начинается с раскатистого «р». Отец чуть не погиб в 1833 году во время погрома

в Эг-Морте*, который стоил жизни двум его друзьям: трудяге Лучано и старику Сальваторе. С такими эпитетами их и запомнят.

В семьях детям запрещали говорить на родном языке, чтобы их «не принимали за итальяшек». Надраивали им смуглые щеки хозяйственным мылом, надеясь, что будут белее. Только не в семье Виталиани. Мы говорили по-итальянски, ели как итальянцы. Мы думали по-итальянски, то есть с кучей превосходных степеней, часто поминая Смерть, обильно проливая слезы, не давая отдыхать рукам. Проклясть человека — что попросить передать соль. Не семья, а цирк, и мы этим гордились.

В 1914 году французское государство, в свое время так мало радевшее о защите Лучано, Сальваторе и прочих, объявило моего отца несомненным и настоящим французом, вполне достойным призыва в армию, тем более что какой-то писарь, переписывая свидетельство о рождении, по ошибке или для смеху омолодил его на десять лет. Отец пошел на войну понуро, без всякой патриотической бравады. Его собственный отец погиб в 1860 году во время экспедиции Тысячи**. Вместе с Гарибальди

---

* Беспорядки на солевых приисках юга Франции, куда традиционно нанимались сезонные рабочие-итальянцы. В результате погрома, которому не смогли помешать власти, погибло официально восемь, неофициально — до ста пятидесяти итальянцев. Чтобы не допустить эскалации конфликта, все обвиняемые французы были оправданы.

** Одна из военных экспедиций генерала Гарибальди для объединения Италии (1860–1861 гг.). Его противником была сицилийская ветвь обширной европейской династии Бурбонов.

Нонно Карло завоевывал Сицилию. Его убила не бурбонская пуля, а не слишком чистоплотная проститутка из порта Марсала; впрочем, эту деталь в семье предпочитали не афишировать. Но в том, что он умер, никто не сомневался, и мысль была усвоена твердо: война убивает.

Убила она и моего отца. Однажды в мастерскую в долине Морьен, над которой мы жили, пришел полицейский. Мать каждый день открывала двери в надежде, что явится заказчик, а муж по возвращении сможет выполнить работу, что в один прекрасный день люди снова начнут обтесывать камни, восстанавливать водостоки и сооружать фонтаны. Жандарм сделал приличествующее ситуации лицо, еще больше скучился при виде меня, прокашлялся и стал объяснять, что прилетел снаряд, такие вот дела. Мать, державшаяся очень стойко, спросила, когда тело вернут на родину, и жандарм принялся сбивчиво объяснять, что на поле боя много всего: и лошади, и другие солдаты, а снаряд все разнес и в результате не разобрать, кто где, и даже кто человек, а кто — лошадь. Он чуть не плакал, и мать предложила ему стакан амаро «Браулио», — на моих глазах ни один француз не сумел проглотить его без жуткой гримасы — сама она заплакала только много часов спустя.

Конечно, я всего этого не помню или помню плохо. Я знаю какие-то факты, что-то восстанавливаю, расцветчиваю красками... Только теперь краски утекают у меня из-под пальцев в этой келье на горе Пирчириано, которую я занимаю вот уже сорок лет. Я и сегодня — ну то есть несколько дней назад, ко-

гда мне повиновался язык, — плохо говорю по-французски. А французом меня никто не называл с 1946 года.

Через несколько дней после визита жандарма мать объяснила мне, что во Франции она не сможет дать мне необходимое образование. Ее живот круглился новым братиком или сестричкой, которые так и не родились, по крайней мере живыми, — и она осыпала меня поцелуями, объясняя, что отсылает меня для моего же блага, что отправляет меня домой, на родину, потому что верит в меня, потому что видит мою любовь к камню, хотя я так молод, но она точно знает, что мне предстоят великие дела, и она не случайно дала мне великое имя.

Из двух испытаний, выпавших мне в жизни, имя, несомненно, было самым легким. Но ненавидел его я страстно.

Мать часто спускалась в мастерскую, чтобы посмотреть, как работает муж. Она поняла, что беременна, когда ребенок взыграл от звука резца, бьющего о камень. А до этого момента она не щадила себя, помогая отцу двигать огромные глыбы, что, возможно, объясняет дальнейшее.

— Он будет скульптором, — объявила она.

Отец в ответ что-то буркнул в смысле, что поганая это работа, что, пока одолеешь камень, сточишь себе руки, спину и глаза, так что, если твое имя не Микеланджело, лучше в такое не впрягаться.

Мама кивнула и решила дать мне фору.

Меня зовут Микеланджело Виталиани.